

Даже когда глаза уже не хотели открываться, всё равно приходилось бороться с собой и делать массаж, причём техника и сила нажатия должны были быть безупречными, иначе мышцы начинали атрофироваться, и ты сразу понимал, что такое «раскаяние».

Раньше Су Шэнь считал, что такова его судьба.

Он никогда не любил спорить с судьбой, и раньше, после того как обида проходила, он просто продолжал жить, ведь нельзя же всё время жить с обидой.

Но теперь он знал, что это не было изначально написанным сценарием, а кто-то в середине пути его изменил.

Глубоко внутри начала просыпаться та самая капля неудовлетворённости.

И эта обида становилась всё сильнее.

Ему хотелось спросить, почему, хотелось спросить, за что, но не было выхода для этих эмоций, словно весь мир решил обрушить всё на него одного.

Каждую ночь он видел сны, полные обид.

В субботнее утро, проснувшись, он прикоснулся к глазам и почувствовал, что они мокрые от слёз.

Он посмотрел на будильник рядом — было ещё не семь утра.

И он засмеялся.

Проснуться от слёз — это было слишком смешно.

Смеясь и пожимая плечами, он пробормотал:

— Единственный выходной, и я его проревел.

— Чёрт!

Он закрыл глаза, пытаясь снова заснуть, но понял, что это бесполезно, и снова выругался.

Он зевнул, и слёз стало ещё больше.

Ресницы слиплись от влаги.

Только позавтракав и разложив на столе тесты, он ещё не успел начать писать, как сосед Сун Хайлинь с рюкзаком за плечами вбежал во двор дома Су Шэня.

Су Шэнь снова зевнул и спросил:

— Что нужно?

— Пришёл делать домашку вместе с тобой.

Сун Хайлинь вёл себя так, словно был здесь своим, нашёл маленький табурет и сел напротив Су Шэня.

Су Шэнь уже хотел что-то сказать, но вместо этого снова зевнул.

— Эй, сегодня выходной, тебе не нужно рано вставать. Если хочешь спать, ложись.

— Психологически я очень хочу спать, — сказал Су Шэнь, зевая. — Но физически не могу.

Глаза были полны слёз от зевоты, что выглядело довольно жалко.

Сун Хайлинь не удержался и тоже зевнул.

И так они провели всё утро, зевая друг на друга.

Су Шэнь, зевая, смеялся, возможно, слёзы утром были от зевоты во сне.

Сун Хайлинь, листая задания, чуть не заплакал от зевоты, повторяя, что не стоило приходить к Су Шэню делать домашку.

— Ты закончил химию? — спросил Сун Хайлинь, видя, что Су Шэнь решает задачи по физике.

— Сам ищи.

Су Шэнь указал на стопку книг.

Сун Хайлинь нашёл кучу готовых тестов.

— В обычной ситуации ты бы должен был отговорить меня, чтобы я сам всё сделал, учился и развивался.

— Мне не до этого, — Су Шэнь продолжал писать, не останавливаясь. — К тому же, если ты, списывая, заодно прочитаешь мои заметки с методами решения, я гарантирую, что ты сдашь гаокао на балл, достаточный для поступления в престижный вуз.

— Серьёзно?

Сун Хайлинь потряс тестами.

Су Шэнь с серьёзным видом сказал:

— Я серьёзен.

Сун Хайлинь засмеялся.

— Жаль, что ты бог экзаменов, а я хочу поклоняться богу игр.

— Ничего страшного, мы, боги, универсальны, — Су Шэнь немного выпрямился. — Поклонись мне, а я передам твою просьбу богу игр.

Он остановился и смотрел на Сун Хайлиня. Тот спросил:

— Что ты делаешь?

— Жду, когда ты поклонишься мне.

Этот человек был настоящим занудой.

— Ладно, серьёзно, — сказал Сун Хайлинь. — На следующей неделе у меня национальная лига, поедешь со мной?

— На следующей неделе? В какой день? — спросил Су Шэнь.

— В четверг.

— Давай.

Су Шэнь протянул, тыкая ручкой в тест.

— Но в среду придётся уехать, лига будет в городе.

Сун Хайлинь улыбнулся.

— В среду?

Су Шэнь покачал головой.

— Тогда не получится.

Он указал на тест перед собой.

— Да ну?

— В среду физическая олимпиада.

Су Шэнь кивнул.

— Почему все соревнования свалились на эти дни?

Сун Хайлинь недовольно пробормотал.

Су Шэнь долго молчал, закончив решать задачу, и вдруг сказал:

— Удачи.

— Что?

— Удачи.

Су Шэнь повторил.

— А.

Сун Хайлинь тупо посмотрел.

— Тебе тоже...

Они сейчас напоминали двух взрослых людей, которые без лишних слов желают друг другу удачи.

Су Шэнь вдруг засмеялся.

— Ты действительно так сильно любишь игры?

Сун Хайлинь, заговорив об играх, начал рассказывать без остановки:

— Конечно, я с детства мечтал об этом, я даже писал много игровых руководств и выкладывал их в интернете.

Он рассказывал о своём пути в играх, о том, как его руководства набирали тысячи просмотров, как он познакомился с нынешней командой, как родители пытались его перевоспитать и как он всегда находил способ обойти их.

Су Шэнь, подперев голову, слушал очень внимательно.

Слушая Сун Хайлиня, он словно погружался в другой мир, мир, который был ему незнаком, но в котором люди были гораздо смелее, чем он думал.

Мечты.

Слушая, как Сун Хайлинь с восторгом говорит о мечтах, он чуть не начал верить в это слово.

— Удачи тебе.

Су Шэнь всё ещё подпирал голову и с искренней улыбкой произнёс эти слова.

Сун Хайлинь на мгновение замер, затем засмеялся:

— Твои слова звучат так, будто ты уже старик.

— Иначе ты бы звал меня папой.

— Да иди ты.

Спасибо, подумал Сун Хайлинь.

Впервые его мечты были искренне поддержаны.

Никто не признавал его.

Ни его родные, ни друзья.

Хотя вокруг него были люди, которые жили неплохо, они, казалось, боялись нарушить этот маленький покой и не решались говорить о чём-то, выходящем за рамки их ожиданий. Даже Пань Шичэн, с которым он дружил больше десяти лет, лишь усмехался, когда он говорил о том, что хочет стать профессиональным игроком, утверждая, что он ещё не созрел.

Сун Хайлинь считал себя вполне зрелым.

Просто в выборе своего жизненного пути он хотел быть немного наивным.

Ему было всего семнадцать, разве в таком возрасте человек должен уже понимать всё о своём будущем? Это было бы слишком печально.

Но большинство людей действительно жили так: у них была благополучная семья, не богатая, но живущая в достатке. Они шли из детского сада в школу, затем в институт, посещая множество дополнительных занятий, затем старались сдать гаокао, поступить в не самый лучший университет, провести там четыре года в безделье, а после выпуска получить работу в госучреждении или компании, повторяя путь своих родителей, работая с девяти до пяти, рожая детей, чьё будущее было так же предсказуемо, и в конце концов уходя на пенсию, чтобы пить чай и ждать смерти.

Это было слишком печально.

Если в молодости ты уже видишь такую жизнь и продолжаешь идти по ней, не замечая ничего, то, возможно, это и есть высшая форма смелости.

Сун Хайлинь смотрел на Су Шэня.

Су Шэнь улыбался ему.

Он улыбался так красиво.

Все люди в этом мире, пока они живы, уже накопили в себе достаточно смелости.

Прозанимавшись весь день, Су Шэнь, наконец, хорошо выспался.

Старый телефон Nokia, который он нашёл, даже с полностью заряженным аккумулятором не включался, вероятно, сломался. Он попытался починить его сам, но безрезультатно.

Пришлось воспользоваться выходным и отнести телефон в мясную лавку «Чжэчжэ».

Тянь Чжэ, держа кошку, сидел у большого стеклянного окна, наслаждаясь солнцем.

Человек выглядел спокойным и довольным, а кошка — недовольной.

Тянь Чжэ открыл один глаз, взял телефон в руки и взвесил его. Гудан, воспользовавшись моментом, выскользнул из его рук и залез в коробку с надписью «Сун, великий обманщик».

— Я у тебя как будто Дораэмон, — проворчал Тянь Чжэ. — Скажи, что у тебя сломалось, что я не починил? Даже твоё инвалидное кресло я переделал. Если бы я открыл мастерскую, точно бы разбогател.

— Ты же сам говорил, что скучаешь, помогая родителям в лавке. По-моему, тебе стоит заняться ремонтом телефонов.

Су Шэнь сказал.

<http://bllate.org/book/15285/1350508>